

На игле

Я на вождей смотрю с опаскою,
Увы, живущих как в дыму...
Спросили хоть бы в нашем Таскино,
Там растолкуют, что к чему.

Понятно всё любому таскинцу,
Но не поймут никак в Кремле,
Что мы на башне на Останкинской
Сидим, как будто на игле.

Её когда-то взяли танками.
Народу дали по башке.
С тех пор на башне на Останкинской
И власть сидит, как на штыке.

Но это долго не протянется.
Наш дом построен на песке.
Не усидеть нам на останкинских
Ни на игле, ни на штыке.

Крест

Прочь, зеваки! Я не скоморох,
Не какой-нибудь вам Арлекино.
Мне оружием стало перо
И крестом, что вручила судьбина.

Слово взял я за меч и за щит.
Расступитесь, уйдите с дороги.
Дайте крест да конца дотащить
Самому, одному, без подмоги.

Нет, врагов я огнюдь не простил,
Ибо ведали, что сотворили,
Под откос мать-Россию пустив,
Погубив с хладнокровьем рептилий.

Только мстить никому не хочу
И глумиться над кем-либо — тоже.
Я по-русски врагам отплачу —
Правду брошу в лукавые рожи.

Отложил до поры меч и щит
И не жду ниоткуда подмоги.
Сам я должен свой крест дотащить
На горбу... Уходите с дороги!

Седому земляку

А. Байбородину

Брось печалиться, старый кержак.
Пусть судьба выдаёт оплеухи
И повис над ушами куржак,
Но ведь искры в глазах не потухли!

Что куржак? Нам же не под венец,
Нам — радеть о Державе и людях.
Не остыл ещё пламень сердец
Правдолюбов и родинюлюбов.

Да и мыслей огонь не угас.
И пока не сыграли мы в ящик,
Препоясаны чресла у нас
И светильники наши горящи.

К итогам

Сидя на саях, помыслил я...

Владимир Мономах

Глаголу преданным без лести
И одиноким, словно перст,
Я вековал, свою безвестность
Неся безропотно как крест.

Не застрелился и не спился,
Не ударялся в куражи.
Я духом жил, над словом бился,
Грыз перья и карандаши...

Так будет и до самой, самой
До переправы в мир иной,
Когда подвоят к дому сани
Харона русского за мной.

А потому — откуда славе
Явиться? Хватит и того,
Чтоб я «чекан души» оставил
И отзвук сердца своего.

Я дорожил на свете волей
И занесу итог в гроссбух:
Мне спину выгнуло глаголом,
Зато прямым остался дух.

Живые тени

Снова снилась родная деревня.
Вечер. Небо в закатном венце.
И какая-то Марья-царевна
В сарафане на школьном крыльце.
Это ж, вспомнил я, наша Маруся.
Молода и светла, как была
В годы оны, когда у нас русский
И немецкий в придачу вела.

А по улице, вроде под мухой
И, как я, присутулен и сед,
Улыбаясь от уха до уха,
Шёл ровесник мой, бывший сосед.
Удивлённо воскликнул я: «Костя!
Да никак ты, дружище, воскрес?
Я ведь только что был на погосте,
Видел твой, с фотографией, крест».

Погрустнев, он ответил мне с болью:
«Приходил бы к живым иногда.
Не тебя ли, перекаати-поле,
Предки ждут у родного гнезда?»
Я с волнением вытянул выю
И взгляделся в родительский дом:
Там и вправду сидели... живые
Мать с отцом на скамье под окном...

Какова наша участь в итоге,
Нам неведомо. Верится лишь,
Что на Небе нет мёртвых для Бога,
Как для нас—у родных пепелищ.

Фламинго

От пламени—имя «фламинго».
Мне редкая птица сия
Знакома не только по книгам—
По встрече в предгорьях Саян.

Однажды её на Амыле,
Когда мы по этой реке
На лодке с таёжником плыли,
Увидел я невдалеке.

Окрас её розово-алый,
Клюв, загнутый буквою «гэ»...
Она неподвижно стояла
В заливе на длинной ноге.

Потом заплескала крылами,
Разбег с гоготаньем взяла,
Стремительно взмыла над нами,
Сияюще снизу бела,

И, вытянув ноги и шею,
Вразмах улетела за лес...
Как некий небесный пришелец,
Похожий на огненный крест.

В отставку

Патрон заверил обходной листок,
И, словно тот бездельник из бомонда,
Я оседлал финансовый поток,
Даруемый нам Пенсионным фондом.

Поток не бурный, под десяток тыщ,
Но, говорят, до срока не иссякнет.
Винцом, мясцом не злоупотребишь,
Зато кефир от пуза и овсянка.

И вообще, старик, всё хорошо.
Что делать, возраст... Не горюй особо.
Ведь не «ушли», ты как бы сам ушёл
И как бы не без выходных пособий.

Завывальное

Нет, о том я, что было—что стало,
Ни судить, ни рядить не берусь.
Просто снова подумал устало
О напастях на матушку-Русь.

Вспомнил брата, что сгинул под Ельней.
Знал бы он, чем я нынче дышу,
Коль живу не в селе—в «поселенье»,
Не в сельмаг, а на «шопинг» хожу.

Носят шорты и трескают чипсы
Поселяне сибирские, блин.
И наследников шлют подучиться
Не в Москву, а в Париж и Берлин.

Проживём ли чужой головою?
Прёт такая от Запада гнусь...
Просыпаюсь ночами и вою,
А точнее, как завою—проснусь.

Ну да что я один? Или вы ли?
Разве может услышать нас власть?
Это ежели все бы мы взвыли
И очнулись, то Русь бы спаслась.

Противостояние

Ты рос в столице, на Трубе,
А я в глубинке, на Тубе,
И потому ни «а» ни «бе»
Не понимаю я в тебе.

Ты поклонялся сатане,
Я—православной старине,
И потому ни «бе» ни «ме»
Не понимаешь ты во мне.

Ты не свернёшь—я не сверну,
Как говорят, ни тпру ни ну...
И оба мы идём ко дну
И тянем за собой страну.

На торжище

Не мстительный, не злой, не заводной
И в русский бунт не рвусь, махая дрыном,
Но понимаю: жизни нам иной
Век не видать, коль ею правит рынок.

«Уместен торг»... И как мы ни ворчим,
Он требует торгашеских талантов.
Всё уже крут мастеровых мужчин,
Всё шире—прощелыг и спекулянтов.

И женщины, как их ни назови,
Иной всё чаще проявляют норов,
Былым предметам жертвенной любви
Предпочитая выгодных партнёров...

Барыш перемешал добро и зло.
Отсюда и наследников замашки—
Заполучить портфель, «срубить бабло»,
А то и вообще—«свалить из Рашки».

Что ж, се ля ви... Но только иногда
Зайдётся сердце от тоски и боли,
И думаешь: «Ужели, господа,
Вы этого хотели—и не более?»

Правда любви

Скажи мне правду, Бога ради,
В улыбке губы не криви.
Любви не может быть без правды,
Равно как правды без любви.

Ответь, хотя бы дрогни бровью,
Я всё пойму и всё прощу.
Той правды, спаянной с любовью,
Всю жизнь я жажду и ищу.

Так заповедал правый Боже,
И так ведётся меж людьми:
Любви без правды быть не может,
Равно как правды без любви.

Солдаты идут

Вижу я, как за сизыми далями,
Где теряется времени гуд,
Боевыми сверкая медалями,
С фронта наши солдаты идут.

По лесам, по холмам, по разложинам
Сквозь пространства идут напрямки
Победители, как и положено,
Держат курс на родные дымки.

Здесь их ждут с неизбывной тревогою:
Уже годы зашли за года,
А они той прямою дорогою
Всё идут... И придут ли когда?

Насчёт развода

Бывают такие, бывают
Моменты почти каждый год,
Когда я в душе затеваю
С дражайшей своею развод.

Впряжёт, как при матриархате,
Словцом стеганёт, как хлыстом,—
И скрипнешь зубами: «Ну, хватит!
Уйду, пожалеешь потом!»

Я вынес бы всю процедуру,
Позор пережил и беду...
Но где ещё русскую дуру
Такую на свете найду?

Наследство

Что на свете на этом оставлю
Я в наследие внукам своим?
Полевые ковры разнотравья,
Поднебесья атласную синь,

Да таёжные ясные дали,
Да седой енисейский простор,
Да ещё... семь отцовских медалей
Боевых, что храню до сих пор.

Чтобы помнили ночью и денно:
Нам земля эта Богом дана
Не в аренду и не во владенье—
Нам сдана под охрану она.

Точка невозврата

Мы с тобою седоваты,
Нам с тобою всё одно,
Наша точка невозврата
Нами пройдена давно.

Жизнь старением чревата,
Молодеть нам не дано.
Наша точка невозврата
Нами пройдена давно.

От восхода до заката
Шли наверх, ушли на дно.
Наша точка невозврата
Нами пройдена давно.

Все потери, все утраты
Воротить не суждено.
Наша точка невозврата
Нами пройдена давно.

Кончен пир. Пусты палаты.
Ни гостей, ни яств, ни вин...
Нами точка невозврата
Всеми пройдена. Аминь.